

Холодные женщины

Автор:

Вячеслав Прах

Холодные женщины

Вячеслав Прах

Поцелуй у Бранденбургских ворот... Они познакомились по переписке и встретились впервые в Берлине. Она в браке, он в разводе и в поисках удовольствий и материала для работы.

Свет и порок. Побуждение и уязвимость. Вячеслав Прах создал роман-шкатулку, в которой спрятаны секс, сказка о свечении Короля, тяжелые воспоминания, преследующие мужчину, и самые глубокие тайны человеческой души. Обнажая их, герои обретают близость и доверие.

Так ли неуязвимы мужчины и так ли холодны женщины, как кажется на первый взгляд?

Вячеслав Прах

Холодные женщины

© Прах В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Не говорите об одной скорби для меня. У меня тысяча тысяч скорбей – нет, миллион миллионов, которые, как пламя, пылают в моем сердце и так глубоко сидят!

...чтобы писать с чувством, вы должны сами чувствовать

М. Корелли. Скорь Сатаны

Побуждение

Он

Дождливый январь. Нагие мы. Сигаретный дым. Отель. Седьмой этаж. Прикосновения – изучение. Прикосновения – благодарность за принятие. Прикосновения – огонь. Прикосновения – холод. Тихий город. Разбитое стекло стакана безопасного бездействия, задыхаешься оттого, что не дать, не получить. Мир – шире стакана. И этого осознания не приобрести, пока не разобьешь. Разбить трудно. Как и добровольно продолжить жить в стакане после того, как вылился из него.

Это пришло не сразу, прошло время.

Сейчас о нас с тобой, впервые встретившихся друг с другом.

Случается так, что нахожу себя питоном, которому необходимо сбросить старую кожу. Мне, как и ему, нужно на это время. Этот процесс – медленный, болезненный, энергозатратный. Он сопровождается усталостью, слабостью. Я подумал, что наша с тобой встреча произошла именно тогда.

Помню, как будто били молотком по левой груди – вот так стучало мое сердце, когда я сидел напротив стойки регистрации в отеле, ожидая тебя на диване, накинув на голову капюшон куртки. Ты с подругой подошла к стойке и бросила взгляд в мою сторону. Только в номере я узнал, что в этот момент ты мне улыбнулась. Я видел лишь твой силуэт – у меня плохое зрение; когда вожу авто, надеваю очки, вблизи вижу нормально. Даже не догадывался, что у меня такой пугающий взгляд, когда я всматриваюсь в человека.

Когда вы с ней ушли, я смог пошевелиться, до этого будто парализовало. Я шел в отель с полной уверенностью, что все пройдет спокойно, ведь когда я ехал в Берлин, то ощущал приятную легкость. Я сказал себе: «Пусть лучше она волнуется за нас двоих, а я не буду». И только увидев тебя, я испытал то, что имеет ценность, я почувствовал себя максимально живым в моменте – через удары молотком. Да что там – молотком, как будто лопатой прилетело по левой груди – мощный удар, неожиданный удар. В этом был вкус первой встречи. Мне подумалось, хорошо, что ты с подругой, возможно, я бы не сумел в этот момент подняться с места, чтобы стоя поприветствовать тебя. Спустя несколько минут после вашего с ней ухода ты написала сообщение, что подруга отправилась гулять по городу и ты осталась в номере одна. Я встал, расправил плечи и уверенным, твердым шагом направился в сторону лифта. Я был готов поцеловать тебя немедленно. Ты бы даже не узнала, какой удар я получил на первом этаже, глядя на тебя, стоящую у стойки регистрации. В такой момент кажется, что все присутствующие в зале – зрители твоего неботрясения. Я остановился у номера, спустя несколько секунд ты открыла дверь. Я не успел даже постучать – ты услышала звук лифта, остановившегося на твоём этаже, и мои шаги: ты стояла прямо за дверью перед тем, как открыла. Я был готов. Я был решителен. Я бы впился в твои губы прямо с порога, если бы ты не сделала несколько шагов назад, к столу, увидев меня, смотрящего тебе прямо в глаза.

Я молча подошел к тебе и поцеловал в губы, ты ощутила мою дрожь.

Дрожи и целуй. Бойся и целуй.

«Мой средний палец пахнет женщиной», – сказал я тебе после того, как ты поднялась в номер второй раз, покинув меня после поцелуя. За время твоего отсутствия я успел принять душ, переодеться и даже немного полежать на нашей большой, широкой кровати. Я принял твои условия встречи – отель, который выбрала ты, отель у Виттенбергской площади. Седьмой этаж, номер «0712». Ты прилетела с подругой в Берлин ради того, чтобы сотворить историю

со мной, и создала для семьи легенду. Ты ухватила за этот шанс встретиться со мной и провести вместе два дня, две ночи и почти целое утро. Я целовал тебя в губы, прижав к себе.

Я засовывал правую руку в нижнее белье, а левой – держал тебя за талию. Средним пальцем входил в тебя, проводил им по набухшим губам. Я желал входить в тебя пальцем, целуя лицо, целуя шею и волосы, нюхая тебя всю, изучая, как ребенок изучает мир – твою кожу, твой парфюм. Можно сказать, я уже тобою обладал там, у стола, на котором были бутылка воды, два стакана, твоя жевательная резинка – ты жевала ее до того, как я вошел – и твой небольшой темный пакет с покупками. Мне не хотелось тебя отпускать – ты должна была выпорхнуть из рук моих к подруге и вернуться ко мне позднее, – а потому я прижимал тебя крепко к себе, целуя то нежно, медленно и спокойно, то сильно и жадно, будто это был не первый наш поцелуй в Берлине, а последний, прощальный. В конце концов я отпустил тебя, ослабил хватку – понюхал сам и дал тебе понюхать свой средний палец, который побывал в тебе.

Мне понравился наш первый поцелуй.

Она (после встречи)

Как интересно, мама и дочь говорят мне одно и то же: «Я впервые почувствовала пустоту оттого, что тебя нет». Дочь вчера мне сказала: «Всего три дня. Никогда раньше такого не было, когда ты уезжала. Тебя будто не было неделю, я сильно ощущала нехватку тебя». Она вчера не отлипала от меня – так голодный набрасывается на еду.

Видишь, как чувствуется подача энергии. Я эти два дня была полностью в тебе. Я сама для себя так определила, что все наше время я буду максимально с тобой. И как это сразу почувствовалось, когда я обделила собой родных. Как много всего, чего мы не видим.

Он

Ты вернулась из душа – мы ни разу не принимали с тобой душ вместе – укрылась одеялом и села на подушку возле моей головы, глядя на меня. Ты прикасалась к моей голове, гладила мои волосы, моя голова лежала между твоими ногами. Твои прикосновения – снотворное, я закрыл глаза, поддавшись волне расслабления, кайфа. Исчез. Когда я проснулся, ты стояла возле входа в душевую, смотрела на себя в зеркало и поправляла волосы. Мне показалось, что я провалился в сон на несколько суток: не сразу понял, где я и что произошло. Я увидел тебя и медленно начал возвращаться в явь, вспоминая все, что было до моего исчезновения – все, до мельчайших деталей.

– Я тебя разбудила, когда хлопнула дверью. Как жаль.

Ты была по-настоящему расстроена этим.

Ты аккуратно легла на меня и поцеловала в губы. Ты забрала всю мою усталость, подошла к окну и выбросила ее в окно на Виттенбергскую площадь.

Я почувствовал прилив сил. Впился в твои губы, жадно обсасывая их, левой рукой намотал на кулак твои волосы и резким движением убрал твою голову назад. Я контролировал тебя, твой поцелуй – мне хотелось, чтобы ты целовала меня именно тогда, когда я этого захочу.

Я встал на колени, держа в левой руке твои волосы, а правой мастурбируя. Мне хотелось входить в твой рот так, будто он создан лишь для того, чтобы сосать и глотать мое семя. Без промедления я засунул свой твердый член тебе в рот и начал заталкивать глубоко в горло – ты не кусала его, мне не было больно, дискомфортно в твоём теплом рту. Промелькнула даже мысль, что у тебя богатый опыт. Тебе – мне приятно было так думать – нравилось доставлять удовольствие мне. Я получал удовольствие от осознания того, что этими губами ты произносишь нежные, теплые слова в мой адрес, ими же целуешь своих детей, мужа, родственников. Ими ты говоришь о любви и о Боге. В какой-то момент я остановился и вытащил член из твоего рта. Ты начала глотать слюну, глубоко и громко вдыхая воздух. Я, зарывав, кончил в твой открытый рот. До нашей встречи я четыре дня не прикасался к члену, чтобы удовлетворить себя. Спермы было много, она была жидкая, как вода. Ты проглотила все до последней капли. И когда не осталось ничего, ты продолжала держать его во рту.

Мне доставляло удовольствие водить членом по твоему лицу. Мне нравилось, как ты целовала его, брала в рот, смотрела мне прямо в глаза во время процесса. Мне нравилось, как ты гладила мой живот во время орального секса, как целовала мои запястья, ладони, бедра и колени – ты все это делала так естественно, не наигранно, это было по-настоящему. Как и тогда, когда ты гладила мою голову, и я уснул – ты это делала, потому что тебе хотелось доставить мне удовольствие. А я смотрел тебе в глаза в это время и думал о том, что желаю испытывать оргазм и наполнять им твой рот снова и снова. Мне нравилось, как ты ласкала себя в то время, когда я мастурбировал. В те мгновения мы были полны энергии, жизни и свободы – свободы давать, потому что в тебе много, ты желаешь дать и тебя готовы принять; свободы брать – потому что много в другом того, чего он желает дать.

* * *

Ты рассказывала, что тебе важно, чтобы твой клиент отдохнул, придя к тебе – твоя работа заключается не только в стрижке, но и в том, чтобы сделать приятно другому. Ты упоминала о том, что люди порой засыпают от расслабления, люди могут выговориться, и им становится легче – со временем ты научилась не брать на себя чужое. Ты радуешься, когда люди возвращаются к тебе снова – они любят возвращаться туда, где им хорошо. Ты не стала критиковать мою стрижку, а лишь сказала, что могла бы сделать немного иначе, на свой вкус.

Моя работа – это ты. Это я. Я – исследователь. Автор. В своей предыдущей откровенной работе я писал:

«Я понял, почему меня не привлекают проститутки, не потому что любви за деньги не купишь, а потому что глубокой искренности не даст мне ни одна, даже самая дорогая и роскошная, шлюха; мне не нужны громкие вздохи и „ахи“, мне нужна только искренность. Такую искренность могут дать лишь те, кому ты открыл свою душу, свою честность, свой огонь. Свою наготу. И когда все увиденное принимают в тебе безусловно».

Это был довольно поверхностный взгляд на девушек, занимающихся проституцией, основанный на единственном в моей жизни опыте. Когда мне

было девятнадцать, я переживал болезненный разрыв с девушкой, с которой встречался год, – она вышла замуж. Однажды ко мне приехал школьный товарищ, и мы решились воспользоваться услугами проститутки. Мы поехали ночью в центр города, в бордель. Это была обыкновенная квартира в пятиэтажном доме на последнем этаже. Помню, нас попросили позвонить по телефону перед тем, как стучать в дверь. Первое, что я ощутил, когда вошел в квартиру, – запах дыма, там было очень накурено. Казалось, стены, полы и каждая вещь в этой квартире впитали в себя дым и воняли им. Почти сразу у входа располагалась небольшая кухня, за столом сидели и курили две обыкновенные девушки. Не модельной внешности, спустившиеся с глянцевых обложек, а самые обычные, ничем не запоминающиеся, худые. Они громко разговаривали.

– Вещи можете оставить там. Душ там. После душа один может заходить в комнату, а второй пусть подождет пока на кухне.

Мой друг первым пошел в душ. Я закурил, стоя недалеко от стола. Разговор с девчонками завязать не пытался, лишь попросил пепельницу, мне было интересно, но неудобно. Я был робок, застенчив, кажется, мы перед приездом даже выпили для смелости, но это не особо помогло.

Я курил одну за другой и ждал, когда вернется мой друг. В этой квартирке слышимость была хорошая, девчонки не обращали внимания ни на меня, ни на стоны моего друга, который занимался сексом с их коллегой, работавшей в спальне. Они болтали о шмотках, о том, что все дорожает, смеялись над ситуациями, в которые я не был посвящен. Мой товарищ вышел минут через десять, может, пятнадцать, хотя у каждого из нас был проплачен час. Чуть позже я узнаю от него, как наша путана сначала надела резинку и сосала член через нее, поднимая инструмент, которым предстояло входить в нее моему товарищу. Когда наконец удалось привести орган в «чувство», мой друг занимался с ней сексом лицом к лицу, пока не кончил. Он ее не гладил, не брал за волосы, не трогал грудь, не засовывал пальцы, куда ему вздумается, не целовал в губы – просто входил в нее, пока не кончил.

Когда подошла моя очередь, я сходил в душ. Покурил еще раз перед походом в спальню, а затем, немного волнуясь, без стука вошел в небольшую, ничем не примечательную обитель «похоти и страсти». Обыкновенная спальня, метров восемь, квадратной формы. Большую часть комнаты занимала широкая кровать.

– Снимай трусы. Если холодно, я могу подкрутить батарею. Целовать нельзя. Бить нельзя. В попу входить – тоже, анальный секс по другому прайсу. Расслабься и получай удовольствие.

Это была женщина в теле, лет тридцати трех – тридцати пяти, а может, и старше. Она оказалась не той, которую мы заказывали по фото. Но ни я, ни мой знакомый не упомянули об этом. Я на ее фоне казался маленьким, тощеньким мальчиком. Я не запомнил ни цвета ее глаз, ни лица, только то, что волосы были светлые и грудь большая, размера четвертого.

Я снял трусы, лег возле этой женщины и постарался расслабиться, но мне это не удавалось. Она как-то странно взяла презерватив в рот и ртом же его надела на член и начала сосать. Никогда такого не видел ранее, я со своей девушкой занимался сексом без презерватива, потому что он все время неприятно давил, и от постоянного давления мой пенис то и дело падал. В этом случае все было иначе. Он не встал вообще. Сколько бы женщина ни пыталась его «оживить». В конце концов она сдалась и сказала:

– Ты скован. Расслабься.

Я испытывал чувство стыда оттого, что у меня не стоит член в присутствии женщины, а она там что-то пыхтит, старается.

– Я помастурбирую, – сказал я тихо.

– Как хочешь.

Я попытался взять ее за ягодицу, чтобы хоть как-то попробовать возбудиться, но она быстро пресекла мою попытку своей рукой.

– Трогать нельзя. Я говорила.

Я хотел уйти, убраться из этого места. Но почему-то не стал этого делать. Вместо этого я мастурбировал, представляя что-то свое, что меня возбуждало. В конце концов я кончил себе на живот. Моя новая знакомая в это время гладила мое лицо и волосы, отвлекая меня от процесса, но даже сказать, чтобы она меня не гладила, я в тот момент не смог. Она взяла с тумбочки салфетку и вытерла

мой живот. Я тогда мало ел, много курил, и ребра у меня торчали. Я надел трусы, попрощался и в трусах прошел через кухню, направляясь в душ: девушки меня не замечали, будто я привидение, а не тощий мальчишка в трусах, блуждающий по их квартире. Именно мальчишкой я себя вспоминаю, представляя себе эти стены, пропитанные дымом и смехом путан, сидящих за столом, поедающих сигареты одна за другой. Это были обыкновенные женщины, которых можно встретить в метро, на улице и пройти мимо, не запомнив их лиц, вспоминая себя самого, получающего новый, врезающийся в память опыт в этих стенах. После душа я оделся, обулся. Кажется, мы молча ушли, не попрощавшись. И на наш уход никто не обратил внимания.

Я не стал говорить другу, что у меня не встал член. Как и о том, что теперь проститутки у меня будут ассоциироваться с той холодной упитанной женщиной, что была в спальне и гладила меня, когда я пытался заставить себя кончить. «Проститутки – холодные женщины», – такое представление о них я носил в себе долгое время.

«...потому что глубокой искренности не даст мне ни одна, даже самая дорогая и роскошная, шлюха...» Самая дорогая и роскошная – такого опыта у меня не было; думаю, в проституции, как и в любой другой профессии, играет роль человеческий фактор. Если женщина хорошо заработает за этот акт, если она по-настоящему хочет доставить незабываемое удовольствие мужчине, у нее есть мотивация и цель – она будет тратить свою энергию качественно, и половой акт не будет «испытанием за собственные деньги», как в моем случае. Я не знал других представительниц этой профессии, но уверен, что бывает по-разному. На эти мысли меня натолкнула ты, рассказывая, как много всего ты делаешь для своего клиента. Мой парикмахер этого не делает, но при этом качественно и стильно стрижет, потому и возвращаюсь к нему снова.

Я не покупаю секс так прямо, как это делают мужчины, которые приходят к женщине за удовольствием, платят вперед и получают ее тело, а может быть, даже больше – нежность, ласку, желание принять их до последней капли. Я влюбляю в себя, я влюбляюсь, я даю, что к месту, я беру, что мне дают к месту. Я – создатель необыкновенной истории, которая больше не повторится. Я – мужчина, наслаждающийся желанной женщиной. Я – мужчина, который видит, как наслаждается желанная женщина вместе с ним. И эта энергия, эта атмосфера наслаждения – я ее вдыхаю, я ею питаюсь. Я получаю кайф, когда беру и когда даю. Когда забочусь о женщине и реализовываю себя как мужчину

рядом с ней. Я плачу за свои эмоции смелостью, готовностью идти вперед, познавать новое, получать новый опыт – я плачу и моментами радости, и моментами грусти за свой опыт, за свое наслаждение.

Благодарю тебя за наш разговор, за то, что натолкнула на эти мысли. «Проститутки – холодные женщины». Пора выбросить в окно это убеждение, пусть оно блуждает по Берлину вместе с моей усталостью.

* * *

Отрывками. Создаю. Как сон. Не будет начала. Не будет конца.

Момент. Другой момент. Третий. Другой я. Наслаждаюсь тобой.

Секс. Не входя членом. Касаниями. Поцелуями. Словами.

Членом. Взрывая. Взрываясь. Явь. Сон. Изучаю. Приближаюсь.

Оголяю. Обнимая. Горю. Чувствую. Чувствуешь меня.

Мы пили с тобой немецкую водку, не закусывая. Нам наливали в баре отеля. Я был в отличном настроении рядом с красивой желанной женщиной – водка бодрила, а вино расслабляло, и от него клонило в сон. Я взял с собой твое любимое белое вино: Pinot Grigio и Sauvignon blanc – New Zealand. Как забавно, вторую бутылку вина мы даже не открыли и пили немецкую водку.

Мы бродили на второй день по вечернему Берлину в поисках Бранденбургских ворот, ты была уже там днем ранее со своей подругой, сын попросил тебя сделать фото для него. Второй раз ты ходила со мной, чтобы познакомить меня с этой важной достопримечательностью города. Я любовался церковью кайзера Вильгельма на площади Брайтшайдплац, она пленяет своей красотой и величием не меньше, чем губы желанной женщины во время первого поцелуя. Церковь была построена в память о первом немецком кайзере Вильгельме. Чуть позже я узнал, что 23 ноября 1943 года в церкви прошла проповедь на тему «Все проходит», а через несколько часов после проповеди церковь была разрушена. Внутри этого завораживающего места алтарь со скульптурой вознесшегося

Христа из цинка и меди, высотой в 4.6 метра.

Мы целовались с тобой у этой церкви. Был прохладный январский вечер, я держал тебя за руку, целовал в губы, когда вздумается, порой обрывая тебя на полуслове. После прогулки мы пошли с тобой ужинать в ресторан.

* * *

Она стояла в белой мужской футболке по колени, не моей футболке, которая была ей велика. Мое удовольствие держало белую чашку в руке, пило мятный чай и смотрело в мою сторону. Больше на ней не было ничего. Время от времени моя спутница доставала из открытой коробки конфеты со сливами, которые я привез для нее из Польши. Это было эстетично – она, сексуальная, светловолосая, женственная, кушающая конфету, запивающая ее мятным чаем. Складывалось впечатление, будто она сейчас на съемках фильма. Так и было, мои глаза – камера. Я запомнил ее, я наслаждался ею, я воссоздал эту женщину в своей мастерской, в тишине и одиночестве, погружаясь в свои воспоминания.

Для меня эта женщина – произведение искусства. Я выбрал такую и лишь воссоздаю то, что трогал, целовал, наполнял своим семенем. Позже она призналась, что получала удовольствие, глотая мою сперму, и повторяла бы это снова и снова – ее возбуждало воспоминание о нашем акте, обо мне, глядящем ее волосы.

Я вошел в тебя – ты стояла на четвереньках. В правой руке я держал твои волосы и чем глубже проникал в тебя, тем крепче сжимал их и медленно тянул к себе твою голову. В этот раз я не был нежен с тобой, но я был собой. В тот момент мне хотелось тебя брать так, а не иначе. Я получал удовольствие разумом оттого, что владел твоим телом, что взял его, что оно в это мгновение принадлежало мне. Мне было мало целоваться с тобой, трогать, гладить, разговаривать, любоваться – мне важно было все, взять всего понемногу и реализовать себя полностью мужчиной рядом с тобой. Я получил признание, что тебе хорошо со мной, твои поцелуи, твою женскую ласку и полное подчинение, доверие, расслабление, я взял твое тело, я наполнил тебя своим семенем – я смог многогранно распробовать, почувствовать тебя; дать тебе многогранно распробовать, почувствовать меня. Я получил удовольствие.

* * *

Берлин. Тихая ночь.

Когда ты уснула, я создавал.

А что, если каждое произведение спасает творца?

Что, если каждая созданная им работа впоследствии несет разочарование?

Она разочаровывает тогда, когда творец из нее вырастает, как вырастают из одежды, из людей, из убеждений; и ему вдруг кажется, что каждый его зритель, как и сам он, уже вырос из этого произведения – и то, что он создал, больше не несет никакой ценности. Но в то же время я не завидую тому, кто всю свою жизнь считает свою единственную работу самой глубокой, если только творцу не остаются до его смерти считанные дни, недели, месяцы. Создатель довольствуется достигнутым и прекращает расти. Есть ли предел человеческому росту?

Каждая новая работа спасает меня, потому что, когда я создаю, я чувствую себя живым, а что самое важное – сильным. Мне есть что дать – я прожил, я обрел знание, я полон. Мне нужно этим поделиться. Когда начал изучать письма Сенеки к Луцилию, я встретил слова: «И никакое знание, пусть самое возвышенное и благотворное, но лишь для меня одного, не даст мне удовольствия. Если бы мне подарили мудрость, но с одним условием: чтобы я держал ее при себе и не делился ею, – я бы от нее отказался. Любое благо нам не на радость, если мы обладаем им в одиночку».

Внутри огонь, меня переполняет. В моменты, когда я создаю, мною могут питаться многие. Когда я творю – я живу, я более всего полон жизни, энергии. Я пишу с определенной целью – я знаю, что хочу сказать именно этой работой и кому я хочу это сказать.

Возможно, к концу жизни я буду гореть от стыда за все свои труды, за их незрелость, а возможно, приму их и научусь с ними жить, как живут другие творцы со своими ранними работами. Ведь кто-то в них находит для себя

ценность.

Создавать – это жизнь.

Я искал ответ на важный вопрос: «Как правильно?» Никак. Теперь я познаю искусство простоты. За ней тенью живет сложность натуры.

Сложность натуры – это Оскар Уайльд, обнаруживший в зеркале Редингской тюрьмы не только свое отражение, но и мальчика, которого добряк-надзиратель угостил пайкой хлеба, за что и был уволен. И эту несправедливость Оскар носил в себе после выхода из тюрьмы, глядя на свое отражение в зеркале на воле. Он не просто носил ее, но и попытался ей противостоять, написав после освобождения письмо, которое должно было показать то, что видел он. Бывший заключенный хотел противостоять системе, описывая разные реальные моменты из жизни – начиная с того, что от местной еды случался регулярный понос, и эти испражнения ему приходилось нюхать в своей тесной камере, пока не «выносили парашу», и заканчивая тем, что слабоумных в тюрьме калечат, приводя в пример узника, страдавшего слабоумием.

Это сложность натуры – чувствовать себя собирателем самых вкусных плодов жизни, а будучи в самом низком положении, будучи изгоем, парией, тревожиться не только о себе, но и о маленькой жизни, и о том, кто эту маленькую жизнь хотел сделать хоть немного менее голодной.

Сложность натуры – это мошенник Стэн Карлайл из «Аллеи кошмаров», который полагал, что ищет любви, денег, всеобщего признания. Он имел стремления, энергию, он имел цель, он шел к своей цели и был весьма успешен. Став под бременем собственных поступков оборванцем, от которого воняло дешевым пойлом и мочой, он неожиданно понял, что всю свою жизнь уверенно шел к одной-единственной роли. Невероятная работа – «Аллея кошмаров». Будто окунули в кипяток после пробуждения.

Сложность натуры – это Джеффри Темпест, который за ненавистью к произведению Мэвис Клер смог откопать в себе восхищение ею как личностью и ее талантом, а ведь мог и не откапывать этого. «...я дико глядел вокруг, жаждая найти какую-нибудь глубокую могилу забвения и покоя, куда бы мне упасть».

Сложность натуры – это Лючио Риманец.

«Оставьте ее! Пусть она найдет Бога, если сможет».

«...в вашей натуре есть нечто сильное и благородное, нечто, что возмущается против лжи и подлости. Зачем же вы не даете воли этому побуждению?»

«Поднимись, Люцифер, Сын Утра! Одна душа отвергла тебя – один час радости дарован тебе! Поднимись».

* * *

Еще за несколько месяцев до нашей первой встречи в Берлине ты написала для меня сказку. Изначально, когда ты поделилась со мною первым отрывком, я даже не мог себе представить, насколько ценную для меня вещь ты создала. Это не просто сказка – это ответ на очень важный вопрос, который я отыскал внутри себя благодаря этой сказке. Это ценное приобретение. И я начал находить подтверждение тому, что я для себя приобрел, наблюдая за людьми, которые меня окружают. Меня восхитило то, как ты видишь меня. Благодаря твоей работе я понял, что я сам для тебя являюсь ценностью не меньшей, чем эта сказка для меня.

Сказка про Короля, который светился

В одном прекрасном государстве жил-был молодой Король. Он был умен, амбициозен, но у него было чистое сердце, что являлось редким сочетанием.

Богам было очень интересно наблюдать за ним. Они придумывали для него разные жизненные испытания. Увлеченные его нестандартными реакциями, они иногда слишком входили в азарт, за что один раз получили наказание от самого главенствующего Бога. Но речь не об этом.

Чтобы загладить это недоразумение, о котором молодой Король даже не подозревал, Небесный повелитель, через лучи солнца, вложил в него дар.

Дар заключался в том, что с этого момента в его чистом сердце поселилась энергия любви. Ее было так много, что король начал светиться, как солнце. И что с этим делать, он не знал. Раньше он мог незаметно переодеться в простолюдина и пройтись незамеченным по городу, потолкаться в толпе людей, услышать их разговоры.

А теперь, что бы ни надевал он на себя, его свет пробивался сквозь слои одежды и притягивал внимание людей.

Король закрылся от всех и спрятался. Разместился высоко в башне, там его свет смешивался с солнечным и не был так заметен, а ночью сиял с ночными небесными светилами.

Кому он мог рассказать об этом странном явлении? Конечно же, никому. Жители города подумали, что он отправился в путешествие. А слугам дворца было запрещено его беспокоить.

В одну из ночей, находясь в своей высокой башне, вдохновившись мистически красивым затмением луны, он взял в руки перо и начал писать стихи на клочке бумаги. И что заметил? После того, как он изложил на бумаге то, что переполняло его душу, свечение стало гораздо слабее.

«Это выход!» – обрадовался Король. Взял чистый лист бумаги и принялся писать. За ночь было исписано множество листов.

Создав интересную, увлекательную историю, но не завершив ее, Король уснул.

Утром проснулся и был счастлив, что теперь не светится, как солнце. Можно свободно выйти в город и вести свою прежнюю жизнь. Так он и поступил.

К вечеру, вернувшись в свою башню, он вдруг заметил там странное явление. Перед ним стояла Девушка, обнаженная, и вся она светилась. Король был потрясен.

– Кто ты? И что здесь делаешь? И почему в таком виде?

Девушка стояла в полной растерянности. Она сама не понимала, что происходит.

Король снял с себя балахон, который надевал для выхода в город, и прикрыл им ее наготу. Теперь она уже светилась сквозь одеяние.

– Рассказывай же скорее, как ты здесь оказалась?

– Я могу перемещаться в пространстве и быть невидимой при этом, но на моем теле не должно быть никакого одеяния. Могу оказаться в любой стране, в любом месте, где захочу, в мгновение.

– Откуда такие возможности? – спросил Король.

– Не могу дать точный ответ. Но это случилось после того, как во сне меня поцеловала маленькая золотоволосая девочка.

«Странная девушка», – подумал Король.

– А почему ты здесь? – спросил он.

– Меня привлекла эта башня. Я проникла сюда. Присела отдохнуть и увлеклась чтением вот этой рукописи. Когда я ее прочитала, со мной случилось то, что ты видишь перед собой сейчас. Я свечусь и из-за этого не могу быть невидимой. Как теперь быть, не знаю. А что здесь делаешь ты?

– Это моя башня. Я – Король этой страны. Рукопись, которую ты прочитала, не спросив позволения, тоже моя.

– Хорошее чувство юмора, – улыбнувшись, сказала Девушка.

– Я не шучу. Точно не в этот раз.

Она замолчала. В голове его кружились с огромной скоростью мысли.

– Я никогда не перемещалась во времени. Знала, что людям с моей группой крови это доступно, но со мной такое впервые.

– Что за группа крови такая? – пристально посмотрел в ее глаза молодой Король.

- Шестая, - ответила Девушка.

- Мне известно только о четырех.

- В моем мире, а я живу в 3333 году, существует 6 групп крови. Из-за реакций на появление различных вирусов уже почти тысячу лет назад образовалась пятая группа крови. Это очень сильные люди. Быстро приспосабливающиеся к различным условиям жизни. А за последние 300 лет смешение этой группы с другими вызвало появление 6-й группы.

Я - одна из них. Нас пока очень мало.

С того момента, как во сне целует золотоволосая девочка, мы можем быть невидимыми и перемещаться, как подтвердилось сейчас, даже во времени.

Наша задача - работать с сердечной чакрой людей. Образно говоря, открывать их сердца для любви.

- Очень интересно, - задумался Король. - И как вы это делаете?

- Через шаманов. Ты наверняка слышал о том, как шаманы собирают желающих, готовят специальные отвары из трав, проводят ритуалы.

- Да, я слышал об этом. Но никогда не было желания принимать в этом участие. Знаю, что люди об этом рассказывают. Кто-то летает с ангелами, кто-то видит единорогов, кто-то - чудовищ.

- Вот это и есть моя работа. Ангелы, единороги и другие видения - это все я. И подобные мне. Через определенные коридоры временного пространства мы учим этих людей любви. Мне сложно сейчас объяснить тебе, как это все происходит технически, могу сказать, что к каждому есть свой индивидуальный подход.

«А теперь вернем наш разговор к тому, что происходит здесь и сейчас. Здесь и сейчас ты стоишь передо мной под моим балахоном», - подумал Король и молча заулыбался.

- И еще свечусь! - возмущенно добавила Девушка.

- Ты еще и мысли читаешь?

- Если мне позволено входить через временные коридоры в подсознание людей из других миров, неужели ты думаешь, что услышать твои мысли, так громко доносящиеся до меня, сложно?

- Нет, не думаю. Для меня это все пока еще непонятно.

- Для меня тоже непонятно, почему после прочтения твоей рукописи я теперь свечусь. Может, объяснишь мне?

Король подробно рассказал, какие изменения произошли с ним за последнюю неделю. Девушка с интересом слушала его, но как дальше действовать? Ответа у нее пока не было.

Король смог это понять, потому что еще вчера сам был точно в таком же светящемся виде и не знал, что с этим делать.

Гостье была предложена комната, чтобы временно остаться в башне, и она благодарно согласилась.

К вечеру того же дня Король вновь стал замечать легкое свечение своей кожи. Он вернулся к своим незаконченным рукописям и продолжил писать. Точно так же, как и ранее, свечение после этого утихло.

На следующий день Король опять отправился в город – понаблюдать, нет ли еще каких-то необычных явлений. Вернувшись в башню, постучав в дверь комнаты, где расположилась его гостья, он пригласил ее на верхний этаж. Она с радостью составила ему компанию.

Общение увлекало обоих, так как они делились информацией, которая каждому до этого момента казалась нереальной.

- Я много думала о том, что случилось с тобой. Это, безусловно, дар. Тот свет, который я сейчас излучаю, прочитав твои рукописи. Точно такой же излучают люди в результате моей работы с ними. У них открывается сердце.

В них открывается любовь. И я вижу в них этот же свет, но не в таком объеме.

– И какой будет твоя версия? – спросил Король.

– Я думаю, что в тебе заложен огромный источник любви. Он слишком велик, чтобы быть спрятанным глубоко в душе. И мало того – он не иссякает.

– И как мне быть теперь?

– Когда ты вкладываешь энергию любви во что-то, в тебе самом все гармонизируется.

Например, прочитав твои рукописи, я свечусь, как солнце. Но для меня одной такой объем тоже велик. Было бы лучше, чтобы множество людей читали то, что ты пишешь. Тогда эта энергия распределялась бы равномерно и открывала их сердца. Их было бы в миллионы раз больше, чем тех, с которыми я работаю через шаманов.

Наверное, не случайно я оказалась здесь, в твоём мире, в этой башне рядом с тобой.

– Ещё и после затмения луны, – добавил Король. Его одновременно забавляла и озадачивала эта история.

«И каким образом миллионы людей будут читать то, что я пишу?» – подумал про себя он.

– Мы это размножим.

– Ты готова все переписывать в больших количествах?

– Нет, конечно. Для этого есть специальные люди.

– Какие ещё люди?

– Прости, в твоём времени, наверное, ещё нет книжных издательств.

– По всей видимости, таковые отсутствуют.

– Хочешь увидеть, что это такое? – улыбнулась Девушка. – Уверена, что тебя заинтересует.

– А как это возможно?

– Я смогла бы провести тебя через временной коридор. Но нам нельзя светиться, тогда не сможем быть невидимыми.

– Допустим, что со мной получится. После того, как я изливаю энергию своего сердца на бумагу, мое свечение на какое-то время утихает. Но что делать с тобой теперь?

«Свалилась же на мою голову», – подумал про себя Король.

Девушка молча улыбнулась.

В этот момент в приоткрытую дверь комнаты вошел пушистый рыжий кот, житель башни, успешно охраняющий ее от мышиных набегов. Сделав пару шагов, он прилег, и было заметно, что самочувствие у него неважное. Девушка обратила внимание, что у бедняги поранена лапа:

– Его мучает боль.

Она подошла к нему, аккуратно приподняла лапу, чтобы рассмотреть рану.

У кота даже не было сил реагировать. Попросив у Короля хоть какие-нибудь средства облегчить болезненное состояние бедного животного, гостя обработала рану, легла рядом с ним на пол и продолжала ласково гладить его. Король в это время увлеченно писал. На секунду он отвлекся и посмотрел на Девушку.

Она лежала рядом с котом, в одежде, которую великодушно выдал Король, абсолютно реальная, без необъяснимых световых лучей.

Коту же заметно полегчало, он мурчал на всю комнату. Девушка спала.

Король подошел и аккуратно коснулся ее руки, чтобы разбудить.

– Смотри, ты больше не светишься, – сказал он тихо.

Она изучающе посмотрела сонными глазами на свою руку и ответила:

– Все так просто. Я же прекрасно знаю об этом. Боль лечится любовью. Пока мы не излучаем лучи, можно отправиться в мое время. И перенести туда то, что ты написал.

Внезапно молодой Король почувствовал возмущение. Почему это он должен свои рукописи переносить куда-то не пойми куда?

– Если ты хочешь просидеть всю жизнь в башне, можешь не делать этого.

– Забыл, что ты слышишь мысли.

– Прости. Тебе совсем негде побыть наедине со своими мыслями, пока я рядом. На самом деле не всегда их хочется слышать.

– Хорошо. Я готов. Что надо сделать, чтобы отправиться с тобой в другой мир и время?

– Для начала раздеться, – сказала Девушка. – Только без одежды ты сможешь перенестись со мной в другое время и остаться незаметным. Не волнуйся, я не буду смотреть на тебя так, как ты смотрел на меня в тот момент, когда увидел впервые в своей башне. Еще и мысли свои не мог утихомирить.

Молодому Королю стало немножко неловко.

– Все хорошо. Я все понимаю, – ответила, улыбаясь, Девушка. – Ты повел себя очень достойно. Помог мне. Спрятал. Я безгранично благодарна тебе.

Король первым отвернулся и снял рубашку.

– Что у тебя на спине?

- Кто-то обещал не разглядывать меня, - вспомнил он.

- Ты так стремительно все сделал, что я не успела отвернуться, - спокойно ответила она.

- Тогда тебе удобнее рассмотреть самой, что у меня на спине, а не спрашивать.

- Откуда это?

- Не знаю. Сколько себя помню, этот рисунок всегда был на моей спине, - ответил Король. - Что ты там видишь?

- Много чего, - произнесла Девушка. - Еще я вижу там боль. Я ее чувствую.

Она приблизилась к Королю, медленно провела рукой по его спине и остановилась.

На ее глазах его кожа начала светиться. Король тоже это заметил.

«Похоже, сорвалось наше путешествие в другое время», - подумал он.

- Не будь таким непонятливым, - смеясь, ответила на его мысли Девушка. - Повернись ко мне лицом.

- Если я повернусь, обещаю, ты тоже начнешь светиться, - ответил молодой Король.

- Я знаю, - ответила Девушка. - Вот и увидим, что из этого выйдет.

Повернувшись к ней лицом, он посмотрел на нее своими красивыми светлыми глазами, провел рукой по ее лицу и застыл при виде ее свечения.

Они оба стояли неподвижно и при этом ослепительно сияли.

- Какой ты красивый, - сказала Девушка, нежно целуя его в губы.

Вдруг свет отделился от них и через секунду ярко вспыхнул в ночном небе.

– Это романтическая любовь, – сказала Девушка. – Как только между мужчиной и женщиной зарождается энергия романтической любви, на небе появляется яркая вспышка, а затем загорается звезда. Так светится их любовь.

– А что происходит, когда звезда падает?

– Не знаю. В данный момент не хочу об этом думать.

– И я тоже не хочу, – ответил Король.

Девушка доставила рукописи Короля в издательство другого времени, другого мира. Были созданы его прекрасные книги, которые распространялись не только в разных странах, но и в разных временных пространствах. Читая эти книги, люди наполнялись светом, и их сердца начинали излучать любовь.

* * *

Первое, что я вынес из этой сказки – чтобы быть видимым, нужно перестать прятаться. Второе – любовь, вложенная в свой смысл, в свое дело. Третье – польза. И если первое и второе я понимал, к этому я приходил уже ранее в своих исследованиях, наблюдениях, то польза стала для меня приятным открытием – я, наконец, смог облечь в слова то, что пытался ухватить руками, как исчезающий в воздухе фантом. Уловить, как знакомую мелодию, названия которой не помнишь – слышишь ее вдалеке, и кажется, что она приближается, но вскоре затихает окончательно.

Ты подтолкнула меня к анализу. Благодаря твоей сказке я пошел в верном направлении, навстречу этой знакомой мелодии, и я ее отыскал, даже узнал ее название. И сейчас я готов поделиться с тобой своими наблюдениями.

Имя этой мелодии – польза.

Наблюдаю за людьми, которые несут пользу другим людям своим делом. В моем городке на западе Польши мужчина, живущий на соседней улице, работает массажистом – он очень востребован, у него длинная очередь на запись, звонишь ему, узнаешь, что свободное место на массаж есть только через месяц-полтора. Я заметил, что каждый раз, когда встречаю его на улице – чаще всего, когда идет на обед, – он полон сил, уверен в себе, имеет деньги, желания, планы на будущее, открыт к общению, может смело себе позволить высказать свое мнение. Он знает, что он приносит пользу, качественно делая свою работу. У него есть связи, начиная от врачей и заканчивая мэрией города – он ощущает за собой силу, и я ощутил эту силу, находясь рядом с ним. Этот мужчина твердо стоит на земле; когда я приходил к нему на массаж, он мне говорил, что женщины болезненно переносят отказ от мужчины:

– Мужчине проще: не получилось с одной, будет пробовать с другой, третьей, десятой. С какой-то обязательно получится, это естественный процесс. А вот женщина может затаить обиду. Например, однажды ко мне на массаж пришла клиентка средних лет. Пока я вышел помыть руки, она разделась и ждала меня в кабинете полностью обнаженная. Когда я вошел, то сказал ей, что достаточно снять верх, трусы можно было не снимать. Она дала понять, что готова к сексу. Опущу детали.

– Вы отказали?

– Да. У меня есть девушка. Эта клиентка ушла и больше никогда не приходила ко мне на массаж. Это не единичный случай. Женщина по сути своей более ранима, – сказал он. – Она приходит ко мне. Можно сказать, отдает мне свое самое сокровенное, «вот оно мое тело, моя нагота, бери» – и получает отказ. Она перенесет это болезненно. Такие женщины не возвращаются после этого, обижаются, их «не приняли».

Интересный мужчина, он мне понравился сразу. С ним можно было обсудить любую тему. Он имел богатый жизненный опыт, был на двадцать лет старше меня.

Второй человек, за которым я наблюдал – тоже мужчина в возрасте, – жил в часе езды от меня. В обдуваемом ветрами городе в 5 километрах от Балтийского моря. Он занимался переводом документов на польский язык. Человек

востребованный, в его голосе ощущалась твердость, чувствовался также внутренний стержень. Мужчина понимал, что в нем нуждаются, что его работа имеет ценность – он мне нужен в первую очередь, потому спокойно озвучивал свои условия, которые я принимал, потому что в моем городе переводчика не было. Он был энергичен, жил в уютном, симпатичном доме и принимал меня на дому. Человек нес пользу людям. Он нужен был и мне, и другому, и третьему, у кого возникнет потребность в переводе – он мог себе позволить назначить время и место встречи, где и когда ему удобно.

Люди, несущие пользу, делающие свою работу качественно, чувствуют внутри себя силу.

* * *

У нее был сильный женский запах. Близнецы. Женщина с сильным запахом. Женщина, которую я, сам того не ведая, наполнял собой настолько, что она в ответ порой переполняла меня собой, своим влечением ко мне, своим присутствием и своей – любовью? не могу правильно подобрать слово – своей женской нежностью, добротой, покорностью, поддержкой, своей беспрекословной готовностью следовать за мной в любом направлении, куда бы я ни повел. Такое женское состояние рядом с мужчиной у меня ассоциируется с любовью. Хотя она никогда не говорила, что любит меня. Мне это и не нужно было. Все самое важное я чувствовал.

В нашей с ней истории я вел, был впереди идущим, а она шла за мной и восхищалась – так она об этом вспоминала позднее, когда мы были далеко друг от друга. Я это принимал – это придавало мне еще больше сил, уверенности в себе и выбранном мною пути. Эта женщина наполняла меня своей верой в меня, своим внутренним светом – если бы она попросила меня описать ее одним словом, то первое, что пришло бы на ум, – это свет. Свет, которым я питался через ее слова и прикосновения. Дальше – порочность. Я отыскивал в ней свет и порок: «Раздвинь руками ягодицы, я хочу смотреть, изучать». Как же красиво и вкусно обладать женщиной, которая читает красивые стихи про любовь, про мужчину и женщину, про ангелов; что создала такую невинную чистую сказку про Короля, который светился, и во всех ее творениях – ни грамма похоти. Она скрывает свою животность, свою необузданную тягу к мужчине, свое сладострастие. Но будучи с ней наедине, когда она открывает себя тебе, ты замечаешь, что стоит засунуть в нее средний палец, глубоко войти им в нее,

вынуть, понюхать и засунуть его в ее же рот, как ее сексуальная энергия потоком ударит в тебя. И эта кареглазая сластолюбивая женщина будет взглядом молить, чтобы ты немедленно расстегнул ширинку и засунул в нее свой член и, после того как возьмешь ее, обильно накормил своим семенем. Чтобы обращался с ней по-разному, как пожелаешь – она не боится ни боли, ни грубости, лишь бы освободить собственное тело от желания и порока и освободить твое тело.

– Ты не мыла там только что? – спросил я у нее сразу после того, как она вернулась из душа, и я ее нюхал на белой, как стены моей мастерской, простыне. Мне нравилось нюхать, через запах я ее изучал.

– Мыла. Почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

– У тебя сильный женский запах. Он не перебивается даже гелем для душа. Мощный запах. Его много.

– Я не понимаю... Понравилось тебе это или нет?

– Это ново для меня. Обычно запахи сильно смываются. Удивительно. Мне не нужно даже приближаться к твоим набухшим губам и анусу, чтобы почувствовать твой запах. Достаточно находиться на расстоянии вытянутой перед собой ладони. Он бьет в ноздри. Он мощный, я уже говорил.

– Какой он?

– Он твой.

* * *

Мы гуляли по Берлину, главной достопримечательностью Берлина была ты. Вернувшись в отель после прогулки, мы сели на подоконник, смотрели на проезжающие автомобили. Был дождь и сильный ветер, мы говорили о церквях, о Боге, я делился с тобою своими наблюдениями.

Шестого января я вошел в костел святой Марии, который виден из окна моей мастерской, и попал на службу в честь праздника Трех королей. Это было

спонтанное решение, я не планировал туда идти, просто проходил мимо, увидел, что люди заходят. Остановился и пошел вслед за ними. Внутри, начиная от входа, стояли длинные ряды деревянных лавок каштанового цвета. В костеле было много людей в этот день. Я присел в среднем ряду у прохода, наблюдая за людьми, за тем, как они внимательно слушали ксендза. Слушал орган, прочувствовал царившую здесь атмосферу торжества, таинства, веры. Зарядился. Я читал, что некоторые поляки в этот день пишут на дверях своих домов первые буквы имен королей «К + М + В» (Каспар, Мельхиор и Бальтазар) и текущий год. Другие рисуют «С + М + В» – первые буквы латинского выражения «Christus mansionem benedicat», что значит «Пусть Христос благословит этот дом». После также пишут год. Знак «+» – это не плюс, а крест как символ благословения.

После служения я почувствовал наполненность. Этот костел – место силы, люди заряжают костел своей энергией, верой, эмоциями. После этого похода я записал в блокнот следующее:

«Точка зрения – это путь, который ты прошел. И уроки, которые ты извлек из этого пути.

Человек не становится хуже оттого, что его видение мира отличается от моего; человек имеет право смотреть на вещи не так, как смотрю я: у него свой путь, свои выводы из этого пути. Если кто-то не знает Бога как самую могущественную силу, отпускающую все людские грехи, это не значит, что все верующие занимаются ерундой и обращаются к пустоте в своей молитве – это выбор каждого, во что ему верить и какой силой, энергией наделять свое слово. Библия – интересная, местами жестокая и качественно написанная книга. Церковь – приятное, богатое для исследователя место. Любая молитва без эмоции, искренности, энергии того, кто ее произносит, не действует, любое слово, наделенное энергией, имеет силу – это не религия, это наблюдения жизни. Я с любопытством посещаю интересные мне храмы, меня манит сила, красота, загадка этих сооружений: я вижу людей, наделяющих Бога силой. И если они искренне верят в Него, Он для них жив. Чем сильнее человек, тем сильнее Бог для человека, в которого тот верит. В нем Он живет, ему Он помогает. Каждый сам создает для себя источник силы.

Все святыни – это места силы, потому что люди наделяют эти святыни силой. Пустая церковь не знает ни Бога, ни дьявола. Пустая церковь – это иконы, не

способные никого исцелять. Это хлам. Церковь станет бесполезной, если не останется ни одного человека, готового принести в нее свою веру, свои эмоции – и горе, и радость. Церковь имеет великую силу и в то же время совершенно бесполезна, важно, какой человек в нее входит и с чем. Есть люди, что и без Бога внутри, и без церкви делают все то, за что нам уготован рай – без надежды, что после смерти им это зачтется. Мое убеждение, озвученное мною в двадцать, – это медленно действующий яд, убийство для тридцатилетнего меня; чем больше исследую, тем аккуратнее подбираю слова. Чем больше анализирую, тем опаснее становлюсь для того, кто читает меня и считает мои наблюдения правильными – в этом мире нет ничего правильного и неправильного. Я самого себя раскритикую и уничтожу, когда приобрету опыт и знания, вытесняющие опыт и знания сегодняшнего меня, этого требует рост – уничтожения и созидания. Есть поступки, которые совершают люди. Среди множества людей, поступающих по-разному, ты создаешь для себя самого понимание, как хотелось бы поступать. Есть опыт, который люди приобретают. Есть знания, которые проникают в них, подобно лозе, обвивающей собой мысли, меняя старые убеждения, отношение к многим вещам. Есть то, что откликается внутри здесь и сейчас, а со временем, возможно, перестанет откликаться. Есть мир, на который смотрят люди – с позиции жизненного опыта, знаний, неудач и побед. И для всякого, кто смотрит на него, он разный.

Можно часами смотреть на то, как течет ручей – через какое-то время ты уже не видишь в спешащей бесконечно куда-то вперед воде важность течения собственной жизни, видишь только текущий ручей. И пока ты смотришь на него, тебе кажется, что ты начинаешь понимать больше: ты остановился, исчезли бесконечные монологи внутри, тебя нет, есть лишь ручей, который течет вне зависимости от того, смотришь ты на него или нет, и существуешь ли ты вообще – он имеет странную притягательность для смотрящего в него.

Мне близки слова: «Царствие Божие – в вас самих, а не в постройках из камня и дерева» (Евангелие от Фомы 1:81). Впервые я услышал эти слова, когда посмотрел фильм «Стигматы» Руперта Уэйнрайта.

Мне близки слова Люцифера из романа Марии Корелли: «Я тоже устал, но я никогда не могу избавиться от своей усталости, так как я устал от самого себя»».

* * *

«Белая рубашка, черные брюки. Мне запрещено фотографироваться с ними».

Я целовал тебя на подоконнике и не знал, это наша первая встреча и прощальная или просто первая. Не думал об этом и целовал. Когда мы лежали на кровати и готовились ко сну, я поделился с тобой одним сном, который живет во мне и не забывается. Мне приснилась мама, устало жаловавшаяся на то, что дом не продается, что потенциальных покупателей не устраивает его цена и они предлагают меньшую. Когда мы с ней закончили разговор, я пошел по улице мимо этого продающегося дома и рядом увидел строй: молодые парни, крепкие ребята гораздо моложе меня слушали своего командира. Складывалось ощущение, что они собрались после утренней пробежки. Я прошел мимо двух взводов, вглядываясь в лица – никого из них я не знал. И только проходя мимо третьего взвода, я узнал всех парней – они были гораздо старше, выше, мужественнее первых. Я ни с кем не здоровался, а целенаправленно шел в здание, которое находилось прямо передо мной. Двухэтажное здание, в котором я никогда ранее не бывал.

Когда я вошел туда, то обнаружил на себе чистую белую рубашку моего размера, под рубашкой можно было заметить желтоватую майку. Вокруг собрались парни. Я узнал всех до единого. Прялков, забыл имя – высокий, крупный добряк со светлыми, улыбчивыми глазами, мы называли его Пряня. Я подошел к нему и протянул руку. Он посмотрел мне в глаза, узнал, улыбнулся и крепко пожал мою руку, затем продолжил разглядывать себя в зеркало и причесываться. Даниил, худощавый, любитель пошутить, поговорить о девчонках – его мы звали Пачка из-за фамилии – тоже узнал меня и первым протянул руку, я крепко пожал ее и пошел дальше. Артем... прозвище – Бога. Также обменялись рукопожатиями. Я пошел вслед за ними – они куда-то спешили – и вышел в большой, светлый зал. Там были длинные широкие столы, застеленные снежного цвета скатертями, на них стояли бутылки вина, бокалы, фрукты, еда. Женщина в возрасте, мама одного из моих товарищей, увидела меня и сказала: «Вы же понимаете, что не сможете с ними фотографироваться?» Меня будто пнули под зад ногой, внутри стало больно от этих слов. Пришло осознание, что несмотря на то, что я был одет празднично, это был не мой праздник. Я сказал: «Конечно, я что, ненормальный?» И молча убрался из этого зала.

Когда я вернулся в ту комнату, где мгновением ранее здоровался со своими товарищами, там не было никого, ни души. «Как это я не смогу с ними

фотографироваться в том зале? Я же с ними бок о бок мочился на забор за каптеркой, который ограждал нас от внешнего мира. От улиц, где ходили люди и курили, когда и как им вздумается, в то время как мы одну сигарету растягивали на четверых, а после бежали в кусты по-большому, сделав несколько горьких, глубоких затяжек натошак, – завтрак был только после утренней уборки территории. Мы пытались проснуться, растирая сонные глаза руками, – из-за ранних подъемов мы зачастую не высыпались. Я находился с ними двадцать четыре часа в сутки, я знаю о многих из них больше, чем знают их родители. В трудную и радостную минуту они были рядом. Мы с ними радовались тому, что поднималась температура: можно было наконец отоспаться, отдохнуть в санчасти несколько дней и не слышать бесконечного: «Рота, подъем, рота, отбой; четвертый взвод на плац, построение через три минуты». После отбоя мы открыто мастурбировали, не стыдясь друг друга, и делились тем, какое порно доставляло нам удовольствие, какие женщины нас возбуждали. Чувствовали себя крутыми, сильными. Мужчинами. Всем взводом с голодными глазами нападали на «передачку» каждого, кого посещали родители и товарищи, родственники. У нас были две ходовые валюты – сигареты и еда. Сигареты порой меняли на еду и наоборот. Одной или несколькими можно было отблагодарить от души за какое-то одолжение курящего или просто проявить теплое, душевное отношение к пацану. И я громко завопил и оттого проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vyacheslav-prah/holodnye-zhenschiny>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)